

Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук,
Москва, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
syvorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРЧЕНКО

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Москва, Россия, dsb111@yandex.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОЛГОПОЛОВ

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
Краснодар, Россия, Aadolgopolov1@mail.ru

АЛТЫНБЕК МАНАПБАЕВИЧ КАМБАРОВ

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста Рос-
сии), Москва, Россия, Kambarov75@mail.ru

Реферат

Введение: в последнее время поиск ускоренных и упрощенных форм досудебного производства как в России, так и за рубежом является проявлением тенденции гуманизации уголовного процесса. Однако анализ позиций ученых-процессуалистов в научной литературе, рассмотренный через призму международных стандартов полицейского дознания, не дает окончательного ответа о целесообразности проведения дознания в сокращенной форме. Ставя *цель исследования*, авторы связывают современное состояние эффективности ускоренного дознания с определением способов оптимизации организации расследования преступлений и решением ряда проблем дифференциации процессуальной формы производства дознания. *Методологическую базу* исследования составила следующая совокупность теоретических и эмпирических методов научного познания действительности: теоретические познания основывались на анализе научных источников и размышлении авторов на тему законодательного регулирования ускоренной формы дознания, а эмпиризм выводился из практики применения данной формы. *Обсуждение:* авторами исследования оценена продолжающаяся в отечественной научной литературе дискуссия по проблеме восприятия дознания в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс. Рассмотрено развитие гибридных моделей уголовного правосудия в двух континентальных юрисдикциях (на примере Франции и Италии). В странах англосаксонской правовой системы, таких как США, Великобритания, Австралия, упрощенная процедура, как правило, связана с заключением сделки с правосудием на стадиях и расследования, и судопроизводства. В государствах – участниках СНГ (Казахстан, Беларусь, Молдова) был избран подход к ускоренной форме досудебного производства, позволяющий только сократить его срок. *Вывод:* решение проблемы авторы видят в приведении отечественных практик в соответствие с международными стандартами процедур полицейского дознания. Исследование показало, что, несмотря на дискуссии ученых, модель ускоренного дознания, введенная в УПК РФ, в целом соответствует предъявляемым требованиям, а организационные меры МВД России позволят распространить эту практику. Результаты исследования расширяют знания о закреплённой в УПК РФ унифицированной процедуре и способствуют ее дальнейшему совершенствованию.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное регулирование; сокращенная форма дознания; международные стандарты; полицейское дознание; ускоренное досудебное производство; модель ускоренного дознания; организационные меры МВД России; масштабы применения ускоренного дознания.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гирько С. И., Харченко С. В., Долгополов А. А., Камбаров А. М. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы // Пени-тенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 274–284. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.005.

Original article

Russian Accelerated Inquiry: Modern Metamorphoses of the Procedural Form

SERGEI I. GIR'KO

Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
syvorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

SERGEI V. KHARCHENKO

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, dsb111@yandex.ru

ALEKSANDR A. DOLGPOLOV

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, Aadolgopolov1@mail.ru

ALTYNBEK M. KAMBAROV

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, Kambarov75@mail.ru

Abstract

Introduction: recently, the search for accelerated and simplified pre-trial proceedings both in Russia and abroad is a manifestation of the trend to humanize the criminal process. However, the analysis of the stance of procedural law scholars in the scientific literature considered through the prism of international standards of police inquiry does reveal the expediency of conducting an abbreviated inquiry. Defining the *purpose* of the research presented in the article, the authors link the current state of the accelerated inquiry efficiency with the definition of ways to optimize organization of crime investigation and solve a number of problems to differentiate the procedural form of inquiry. The following set of theoretical and empirical methods of scientific cognition of reality comprises the *methodological basis* of the research. Theoretical knowledge is based on the analysis of scientific sources and the authors' reflection on the topic of legislative regulation of an accelerated inquiry; empiricism is derived from the practice of using this form. *Discussion:* the authors of the study evaluate the ongoing discussion in the Russian scientific literature on the problem to consider an accelerated inquiry as an independent procedural form introduced into the Russian criminal process. Development of hybrid models of criminal justice in two continental jurisdictions (on the example of France and Italy) is considered. In the countries of the Anglo-Saxon legal system, such as the USA, Great Britain, Australia, a simplified procedure is usually associated with the conclusion of a plea bargain both at the stage of investigation and legal proceedings. The CIS member states' (Kazakhstan, Belarus, Moldova) approach to accelerated pre-trial proceedings only shortens its term. *Conclusion:* the authors see the solution to the existing problem in bringing domestic practices in line with international standards of police investigation procedures. The study shows that despite discussions of scientists, the accelerated inquiry model introduced in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, in general, meets the requirements, and organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia will allow to spread this practice. The results of the study expand knowledge about the unified procedure enshrined in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and contribute to its further improvement.

Keywords: criminal procedure regulation; abbreviated form of inquiry; international standards; police inquiry; accelerated pre-trial proceedings; accelerated inquiry model; organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia; scope of application of accelerated inquiry.

12.00.09 – Criminal procedure.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Gir'ko S. I., Kharchenko S. V., Dolgoplov A. A., Kambarov A. M. Russian accelerated inquiry: modern metamorphoses of the procedural form. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 274–284. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.005.

Введение

Потребность модернизации уголовно-процессуальных процедур как в России, так и на территории других государств вызвана необходимостью учета интернационализации преступности в условиях мировой глобализации и стремительного научно-технического прогресса, приводящего к появлению новых форм общественно опасного поведения. Трансграничный характер преступности усиливается стремительной криминализацией информационно-телекоммуникационной сферы. Ведущими киберугрозами 2021 г. специалисты признали распространение приема бэкдор в цепи поставок, взлом домашних систем для проникновения в офис, атаки на облачные платформы, а также мошенничества с мобильными платежами и QR-кодами [22]. В этих условиях необходимость эффективных международных механизмов и более тесного сотрудничества между государствами не раз отмечалась Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций [24]. В ноябре 2001 г. сорок три государства подписали Конвенцию Совета Европы о киберпреступности, направленную на повышение кибербезопасности посредством развития международного сотрудничества и оптимизации следственных механизмов [16]. Приоритетным направлением в деятельности большинства стран остается тенденция следования процессам либерализации и гуманизации уголовного правосудия. Комитет министров Совета Европы 17 сентября 1987 г. подписал рекомендацию «Об упрощении уголовной юстиции» NR (87)18, в которой указано на ограничение предварительного следствия, причем в некоторых случаях отмечена его необязательность [21]. Однако международные стандарты в сфере уголовного судопроизводства и процессы сближения континентальной и англосаксонской правовых систем затронули преимущественно судебный процесс и в меньшей степени досудебные стадии.

Эти и другие предпосылки подтолкнули российского законодателя к поиску оптимальных форм предварительного расследования. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в УПК РФ была введена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Таким образом процессуальная форма производства дознания была дифференцирована, хотя до сих пор ведутся научные дискуссии между сторонниками единой процессуальной формы и приверженцами упрощенного порядка расследования преступлений [6]. Например, сокращению сроков в упрощенной форме дознания мешают дублирование процессуальных действий, отсутствие электронного межведомственного документооборота, сроков судебных экспертиз и ряд других недоработок уголовно-процессуального законодательства.

Учитывая вышеизложенные факты, актуальность проведенного нами исследования определяется:

- продолжающимися процессами либерализации и гуманизации уголовного правосудия;
- поиском путей сближения англосаксонской и континентальной моделей предварительного уголовного производства;
- потребностью дифференциации уголовно-процессуальной формы и поиском эффективных упрощенных и ускоренных процедур предварительного уголовного производства;
- условиями криминализации информационно-телекоммуникационной сферы и соответствующей потребностью в установлении и развитии цифрового взаимодействия правоохранительных структур на внутригосударственном и международном уровнях.

Определяя цель исследования, авторы связывают современное состояние эффективности ускоренного дознания с определением способов оптимизации организации расследования преступлений и решением ряда проблем дифференциации процессуальной формы производства дознания.

Достижению поставленной цели будет способствовать поэтапное решение исследовательских задач: историко-правовой анализ значения и сущности дифференциации процессуальной формы дознания в России и за рубежом; выявление организационных недостатков и проблем практики дознания в сокращенной форме; определение перспектив развития ускоренной формы дознания; анализ информационных технологий поддержки ускоренного дознания.

Обзор литературы

Проведенный анализ научных источников по теме исследования за 2016–2021 гг. позволил выделить три группы, каждая из которых акцентирует внимание на определенных аспектах современного состояния института ускоренного дознания.

Первая группа источников связана с проблемой поиска эффективных форм разрешения уголовно-правового конфликта посредством решения задачи уголовного судопроизводства по обеспечению доступа к правосудию и в целом реализации концепции гуманизации уголовного процесса. Это исследования Т. Ю. Вилковой [2, с. 167–179], В. М. Герасенкова [4, с. 21–25], В. В. Джуры [8, с. 10–21], Ю. А. Ляхова [9, с. 194–197], Д. В. Базаровой [14, с. 34–37], Ш. Ф. Файзиева [19, с. 70–73] и др. Были определены тенденции и векторы применения упрощенной формы досудебных процедур в России и за рубежом. Авторы рассматривают трансформирующее воздействие на развитие национального уголовного судопроизводства процессов глобализации. Конвергенция и приведение норм внутригосударственного права в соответствие с международными стандартами лежит в

плоскости демократизации и гуманизации уголовно-процессуальных процедур. Исследователи приходят к однозначным выводам, что решение проблемы повышения эффективности досудебного производства состоит в избавлении от излишней заформализованности и забюрократизированности. Анализируя основные модели построения досудебного производства в различных странах в зависимости от принадлежности государства к англосаксонской или континентальной правовой системе, Т. Ю. Вилкова констатирует тот факт, что «целью любого упрощенного и ускоренного производства является устранение неоправданных препятствий доступа к правосудию» [2, с. 168]. Вопросы укрепления гарантий открытости и доступности правосудия, а также упрощения процедуры получения информации о движении уголовного дела в современных условиях развития информационного общества исследует В. В. Джуря. Автор приходит к выводу, что «Россия стоит на пути постепенного приведения норм процессуального права в соответствие с международными стандартами» [8, с. 10]. Профессор Ю. А. Ляхов отмечает, что «гуманность является сущностной чертой уголовного процесса и соответственно все преобразования должны осуществляться по пути гуманизации» [9, с. 195]. К подобному мнению пришли и другие исследователи. Например, представитель ташкентской правовой школы Д. В. Базарова отмечает, что «в век информационных технологий эффективность уголовного правосудия зависит от целерантности, предполагающей разрешение уголовных дел в более короткие сроки» [14, с. 34]. Ш. Ф. Файзиев, рассматривая вопросы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, делает акцент еще и на таком факторе, как экономия государственного бюджета [19].

Вторую группу научных источников составляют работы российских и зарубежных авторов, по-разному оценивающих проблему перспективности введения целерантных процедур в уголовные судопроизводства государств. К данным вопросам в своих научных исследованиях обращаются А. Р. Белкин [1], В. М. Герасенков [4], С. И. Гирько [6], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10], А. А. Проколова [11], Б. Коскас-Вильямс, М. Альберштейн [17], С. Эгберт, М. Лис [18, с. 13–17], И. Сорабий, С. Вагхан [22], Э. Яшар [26, с. 255–299]. Так, А. Р. Белкин и ряд других исследователей полагают, что «противоречия правового регулирования регламента сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ) не могут быть исправлены только путем внесения изменений. Требуется исключение этой главы из норм УПК РФ как не соответствующей правилам уголовно-процессуального доказывания и назначению уголовного судопроизводства в целом» [1]. Напротив, В. М. Герасенков отмечает, что «излишний формализм досудебных уголовных производств, особенно когда дело касается преступлений небольшой и средней тяжести, мешает ускорению доступа к правосудию и обеспечению принципа разумного срока уголовного судопроизводства» [4, с. 21]. Распространенность в зарубежных странах целерантных уголовных судопроизводств отражается на страни-

цах иностранной научной печати в основном их критикой. Так, оценивая реформу уголовного судопроизводства в Республике Казахстан, А. А. Проколова отмечает, что «введенные Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан новые ускоренные производства (институт ускоренного досудебного расследования; протокольного производства по уголовным проступкам; процессуального соглашения в форме сделки о признании вины и приказного производства) за последние пять лет ожидаемого эффекта не создали» [11, с. 122]. Оценивая ускоренные производства, введенные в 2019 г. в турецкий уголовный процесс, Э. Яшар пишет о том, что «отказавшись от полноценного доказывания, законодатель не усилил процессуальные гарантии прав участников ускоренных производств» [26, с. 255]. Б. Коскас-Вильямс и М. Альберштейн в научном докладе юридического факультета Университета Бар-Илан ставят вопрос о допустимости упрощенного уголовного производства для ограниченного перечня составов преступлений с учетом обязательного наличия фактических предпосылок, определенных в законе [17]. Д. Джонсон, Д. Вановербек обозначают транспарентность расследования преступлений как основную цель реформирования уголовного процесса Японии. Упрощенные процедуры уголовного преследования возможны, если только наказание за преступление, в связи с которым осуществляется уголовное преследование, не превышает штраф в размере одного миллиона иен. В докладе отмечается, что «в отличие от большинства государств общеправовой и континентальной правовых семей уголовное преследование в Японии осуществляют исключительно органы прокуратуры. При этом за ходом расследования прокуратуры наблюдает Комиссия по рассмотрению деятельности прокуратуры, представляющей собой орган гражданского контроля» [20, с. 440].

В третью группу научных источников включены исследования, оценивающие современное состояние дознания в сокращенной форме с криминалистической точки зрения. Это широкий круг как отечественных, так и зарубежных авторов: Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова [3], С. И. Гирько [5], А. С. Горбань [7], У. Чен [15, с. 323–407], Ф. Аль-Асаад [13], Л. Субиз [23], А. Вашко [25], Д. Джонсон, Д. Вановербек [20]. Большая часть авторов, занимающихся проблемой реализации упрощенных форм уголовного судопроизводства, отмечают, что указанные процедуры существенно экономят время и ресурсы правоохранительных органов. Ученые Восточно-Сибирского государственного университета Ю. П. Гармаев и Е. И. Попова констатируют тот факт, что качество расследования в упрощенном производстве существенно ниже. Данный факт они связывают с отсутствием разработанного криминалистического инструментария и, соответственно, предлагают «разработать теоретическую концепцию криминалистического обеспечения упрощенных процедур» [3, с. 16]. Представитель кубанской правовой школы А. С. Горбань создает алгоритм производства сокращенного дознания при расследовании краж [7]. Аналогичные исследования были проведены и в других странах. У. Чен, опираясь на последние открытия

юридического сообщества, представил текущие тенденции ускоренных производств в уголовно-процессуальном праве Китая. Особенностью регулирования уголовно-процессуальных отношений в КНР является его партийно-ориентированный характер, однако это не мешает китайскому законодателю следовать современным международным тенденциям. Отсутствие разделения процессуальной формы предварительного расследования обусловлено менее длительными сроками производства по уголовному делу, упрощенной процедурой санкционирования применения мер процессуального принуждения и производства следственных действий [15, с. 323–407]. Профессор Ливерпульского университета Л. Субиз в рецензии на книгу Ж. Ходжсон «Метаморфоза уголовного правосудия – сравнительный отчет» пишет о фундаментальных изменениях в уголовном правосудии Англии и Уэльса. «Например, лицо, совершившее преступление, может быть немедленно доставлено в магистратский суд без досудебной подготовки и письменного обвинительного акта (устная формулировка обвинения). В случае признания обвиняемым своей вины другие доказательства виновности судом не исследуются» [23, с. 815]. А. Вашко изучал криминалистические особенности использования разведывательных данных в сокращенных формах уголовного судопроизводства. Согласно его исследованию «сокращенное расследование в Словакии должно быть окончено в течение двух месяцев с момента вынесения обвинения. При сокращенном расследовании составляется протокол сокращенного производства». Автор приходит к выводу, что «использование разведывательной информации в уголовном судопроизводстве влияет на сокращение сроков и оправдано прецедентной практикой Европейского суда по правам человека» [25, с. 280].

Проводя итоговое различие между тем, что уже сделано, и тем, что необходимо сделать, отметим, с одной стороны, многообразие научных подходов к сокращенным процедурам уголовного судопроизводства, а с другой – необходимость их законодательной доработки до требований международных стандартов. Выявление важных переменных, относящихся к теме исследования, показало, что зачастую авторами используется описательный подход, препятствующий развитию целостного представления о совершенствовании ускоренной процессуальной формы досудебного оформления материалов о преступлениях. Соответственно, становится очевидным, что указанная проблематика, а именно вопросы оптимизации деятельности органов дознания, требует дальнейшей разработки.

Материалы и методы

Методологическую базу проведенного исследования составила следующая совокупность теоретических и эмпирических методов научного познания действительности: теоретические познания основывались на анализе научных источников и размышлении авторов на тему законодательного регулирования ускоренной формы дознания, а эмпиризм выводился из практики ее применения.

Данная статья, опираясь на системный подход, ориентировала исследование на раскрытие целост-

ности происходящих процессов модернизации уголовно-процессуальных процедур в контексте поиска эффективных международных механизмов тесного сотрудничества между государствами. В поле зрения таких ученых, как Ю. А. Ляхов [9], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10] и другие, оказались не только характерные черты международно-го сотрудничества, но и обширная область вариантов оптимизации следственных механизмов.

Используя философский метод материалистической диалектики, исследователи анализировали досудебные ускоренные производства во взаимосвязи с общим порядком уголовного судопроизводства и стоящими перед ним задачами [1–8].

Посредством общенаучных методов познания были получены новые теоретические знания о сущности, содержании и правовой природе ускоренной формы дознания. Так, с помощью метода анализа были выявлены проблемы в правовом регулировании ускоренных досудебных производств. Метод синтеза позволил сформулировать авторские предложения, относящиеся к теоретическим основам различных ускоренных досудебных производств в уголовном процессе.

В исследовании авторы также опирались и на частнонаучные методы познания, такие как сравнительно-правовой, конкретно-социологический и формально-юридический, историко-правовой. Сравнительно-правовой метод позволил сравнить ускоренные досудебные производства России и зарубежных стран по ряду критериев. Конкретно-социологический метод дал возможность изучить уголовные дела, правоприменительную практику и мнение ученых-процессуалистов по вопросам дифференцированных производств. Формально-юридический метод способствовал исследованию норм действующего российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих ускоренные производства. Так, исследователи С. И. Гирько [5; 6], А. С. Горбань [7], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10] и другие посредством формально-юридического метода выявили структурные логические элементы, входящие в состав ускоренных досудебных уголовно-процессуальных производств. Были определены проблемы организационного и криминалистического характера. На базе указанных элементов разработана классификация ускоренных досудебных производств. Историко-правовой метод исследования повлиял на выводы относительно генезиса ускоренного досудебного производства в рамках отечественного и зарубежного уголовно-процессуального законодательства.

В общем указанные методы исследования были обусловлены спецификой его цели: определить способы оптимизации расследования преступлений в форме ускоренного дознания в контексте современного состояния ускоренных производств в России и за рубежом. Соответственно, для оценки теоретических предложений по оптимизации уголовно-процессуальной формы ускоренного дознания в качестве эмпирических методов исследования были выбраны методы наблюдения, сравнения и описания.

Основным методом выборки уголовных дел стала типическая выборка. Предметом исследования были определены уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, расследование по которым проводилось в форме общего и сокращенного дознания за последние за пять лет (2016–2020 гг.). За указанный период проанализированы данные правовой статистики по вопросам, связанным с расследованием преступлений указанных выше категорий, опубликованные на официальных сайтах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ФССП России.

Сбор и обработка данных осуществлялись на основе метода статистической группировки эмпирических данных. Сделаны предложения по его использованию при проведении исследований. Авторы с целью достижения точности применения метода статистической группировки определили признак, положенный в основу деления. Предложена классификация: 1) качественный признак – производство ускоренного дознания по конкретной статье Уголовного кодекса Российской Федерации; 2) количественный признак – группировка уголовных дел, по которым с 2016 по 2020 г. подозреваемыми заявлялись ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

Результаты и обсуждение

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в УПК РФ была включена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме», которой, по сути, в отечественное судопроизводство было введено ускоренное досудебное оформление материалов о преступлениях, унифицированное по процессуальной форме и значительно оптимизировавшее деятельность органов дознания, прежде всего полиции, по определенной категории уголовных дел. Важно и нам оценить нововведение 2013 г. диалектически, то есть с различных позиций и, что важно, с учетом мнений ученых и практиков.

Мы ознакомились с продолжающейся в отечественной научной литературе дискуссией по проблеме восприятия дознания в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс [1; 5; 6; 7]. Наиболее доступно позицию противников сокращенной формы дознания выразил А. А. Сумин, который считает, что данную унифицированную процессуальную форму вызвал к жизни «необузданный и, главное, не обусловленный потребностями практики реформаторский зуд» [12, с. 6]. Однако это мнение вызывает недоумение, поскольку именно огромное количество несложных и очевидных дел в производстве дознавателей полиции, отвлекающее их от качественного расследования преступлений с более сложной конструкцией состава, требовало от МВД России постоянно инициировать перед законодательными органами России введение в уголовное судопроизводство унифицированной процессуальной формы. В частности, в этом плане следует обратить внимание на требование закона об обязательном ходатайстве подозреваемого о производстве по делу дознания в сокращенной форме. Складывается впечатление, что такое ходатайство получить от виновного достаточно

сложно. Между тем опрос практических дознавателей показал, что они это делают в первоначальном протоколе допроса подозреваемого. Никаких затруднений внешне сложная процедура, регламентированная законом, на практике не вызывает.

Следует отметить, что вскоре после введения в УПК РФ главы о дознании в сокращенной форме высказывались определенные прогнозы, в том числе и скептические, по целому ряду особенностей принятой законодателем процедуры. Проведенные исследования, связанные с международными стандартами ускоренного досудебного производства, показали, что введенная в российский уголовный процесс унифицированная форма досудебного производства во многом им соответствует [5]. Широкая распространенность в зарубежных странах целерантных уголовных судопроизводств позволяет выявить к ним интерес со стороны иностранных авторов. Научный сотрудник лаборатории по разрешению судебных конфликтов юридического факультета Университета Бар-Илан Б. Коскас-Вильямс и профессор юридического факультета Университета Бар-Илан, главный следователь лаборатории судебного разрешения конфликтов М. Альберштейн, изучив развитие гибридных моделей уголовного правосудия в двух континентальных юрисдикциях (на примере Франции и Италии), сделали выводы относительно перспектив развития ускоренного досудебного производства. Франция и Италия демонстрируют разную эффективность уголовного судопроизводства, начиная от элементов состязательности и заканчивая инквизицией. Французская система долго оставалась следственной по своей природе, однако в последнее время стала меняться в сторону исчезнувшего расследования. Итальянская система, с другой стороны, объявила о радикальном преобразовании в состязательную структуру судебного разбирательства, при этом применяя в основном процедуры без судебного разбирательства. Этот сдвиг не привел к исчезновению явления судебного разбирательства [17]. Во Франции данный вид дознания в целом оценивается положительно, поскольку позволяет быстро установить факт преступления, задержать преступника и закрепить доказательства, пока они не исчезли. Чаще всего досудебное производство ограничивается дознанием очевидных преступлений. В Италии практика соглашений о признании вины как сокращенная досудебная процедура была введена УПК еще 1998 г. [5]. В странах англосаксонской правовой системы, таких как США, Великобритания, Австралия, упрощенная процедура, как правило, связана с заключением сделки с правосудием и на стадии расследования, и на стадии судопроизводства [10]. В государствах – участниках СНГ (Казахстан, Беларусь, Молдова) был выбран подход к ускоренной форме досудебного производства, позволяющий только сократить его срок. Так, А. А. Проколопа отмечает, что в Республике Казахстан уголовно-процессуальное законодательство предусматривает четыре самостоятельных ускоренных производства (ускоренное досудебное расследование, протокольная форма досудебного расследования, процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины, приказное

производство), идентичных между собой и, более того, ставящих под угрозу уголовно-процессуальные гарантии прав человека [11].

Другая проблема, вызывающая дискуссии в научном сообществе, касается вопроса о проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица при условии признания им своей вины. По мнению А. Р. Белкина, это представляется странным. Высказано также и мнение, что «решение вопроса о возбуждении дознания в ускоренной форме зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя» [1, с. 16]. На наш взгляд, в проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица нет ничего странного. Более того, унифицированная процедура дознания потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений и обладает достоверностью.

Увязка законодателем вопроса о возможности возбуждения дознания в сокращенной форме с ходатайством подозреваемого нами воспринимается критически. Такое решение, с нашей точки зрения, должно являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела: его очевидности и признания подозреваемым своей вины, характеристики личности виновного. Никакие иные обстоятельства влиять на принятие решения о возбуждении дознания в сокращенной форме не должны.

Между тем нельзя не учитывать и международную практику ускоренных процессуальных производств, процедур полицейского расследования, принятых и эффективно действующих в зарубежных странах. Следует констатировать, что очевидность преступления, признание подозреваемым своей вины и ее достоверность, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту в странах как континентальной, так и англосаксонской систем права.

В среде ученых-процессуалистов достаточно широко дискутируются проблемы, связанные с доказыванием. Однако напомним, что в данном случае речь идет о преступлении с упрощенной конструкцией состава, при котором чаще всего лицо, его совершившее, задержано на месте преступления или вскоре после его совершения, когда оно очевидно и не представляет значительной общественной опасности. В данном случае все, включая процедуру доказывания, исходит из принципа процессуальной экономии.

С учетом наших рассуждений уместно привести конкретный пример из законодательства, регламентировавшего уголовное судопроизводство в Российской империи. Так, о целях дознания говорится в п. 15 Инструкции прокурора Московской судебной палаты г. Степанова от 15.10.1909, вступившей в силу с 01.01.1910: «По обязанности обнаруживать преступления чины полиции, получив заявления или сведения о совершении преступления, производят дознание для выяснения, совершено ли преступление,

и если совершено, то какое, когда, кем и при каких обстоятельствах» [5, с. 33]. Вполне лаконично и конкретно.

Пределы доказывания, процесс доказывания как элементы системы работы с доказательствами при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализированы. С нашей точки зрения, они вполне обеспечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов дознания. Кроме того, они во многом соответствуют и зарубежной практике полицейского дознания. Однако не все специалисты в области уголовного процесса разделяют изложенный подход к проблеме. В целом ряде случаев высказываются противоречивые и даже взаимоисключающие позиции. Так, например, Ю. В. Францифоров считает «правовую составляющую особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме противоречащей основополагающим правилам не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного судопроизводства». Ему оппонирует Б. Т. Безлепкин, по мнению которого «различные упрощения, допущенные в работе по доказыванию в ускоренном досудебном производстве, теории доказательств не противоречат» [1, с. 16–25].

Относительно сказанных в различных научных источниках позиций следует заметить, что проблема правовой регламентации, ускоренной и упрощенной, то есть дифференцированной, процессуальной формы и включения ее в УПК РФ возникла на этапе значительного роста преступности в Российской Федерации. Основная нагрузка по расследованию массовых преступлений, в основном не относящихся к категории тяжких и средней тяжести, легла на МВД России. Главная идея унифицированной процессуальной формы – ее ускоренный и упрощенный характер. Кстати, с такими же лекалами к аналогичным формам полицейского дознания подходят в ведущих зарубежных странах.

Оценивая процессуальную форму дознания в сокращенной форме как вполне адекватную общественным отношениям, сложившимся в сфере противодействия массовым преступлениям небольшой и средней тяжести, следует отметить, что, с нашей точки зрения, законодатель не нашел возможности более детально подойти к вопросам регламентации источников доказательств по делам, осуществляемым в форме дознания в ускоренной форме. В частности, по таким делам доказательственная информация поступает из тех же источников, которые используются при производстве предварительного расследования.

Между тем в рамках ускоренного дознания вряд ли оправдано производство следственных действий, особенно таких, как судебные экспертизы, обыски, следственные эксперименты и др. При этом, конечно, законодатель предусмотрел изъятия из процедур процесса доказывания, применяемого при производстве предварительного расследования, а именно непроведение ряда следственных и процессуальных действий, проверки определенных доказательств, что само по себе может восприниматься как самостоятельная для ускоренного дознания система доказывания.

Однако мы ведем речь об иной ситуации, аналогичной международным практикам, когда в рамках дознания в сокращенной форме была бы разработана и нашла отражение в законе своя, уникальная только для этой процессуальной формы система доказывания. В качестве основных источников доказательств здесь можно было бы использовать носители доказательственной информации, содержащиеся, например, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, возможно, и некоторые иные (но это тема для самостоятельного исследования). Важно, чтобы такие источники доказательств, предмет, пределы и процесс доказывания были уникальны для дознания в сокращенной форме и в своей совокупности воспринимались как система доказывания, имманентная исключительно данной процессуальной форме.

Явилась ли закрепленная в УПК РФ модель дознания в сокращенной форме тем инструментом, который обеспечивает оперативное расследование незначительных преступлений и своевременное привлечение лиц, их совершивших, к уголовной ответственности? Заполнило ли дознание в сокращенной форме правовую нишу унифицированного досудебного производства, которую до 1998 г. занимала протокольная форма досудебной подготовки материалов? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, но следует отметить, что из года в год после введения в УПК РФ гл. 32.1 масштабы расследования дел в форме дознания в сокращенной форме возрастают.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2016 г. предварительное расследование проведено по 649 197 преступлениям небольшой тяжести и по 301 001 преступлению средней тяжести, что составляет около 79,8 % от общего количества расследованных преступлений, в 2018 г. – по 603 524 и 270 571 (80,3 %), в 2019 г. – по 587 817 и 252 363 (79,8 %). В. М. Герасенков отмечает, что расследование указанных групп преступлений по одним и тем же процессуальным правилам «не всегда является целесообразным, поскольку в ряде случаев использование всего процессуального ресурса, применение одних и тех же достаточно длительных сроков производства по уголовному делу являются явно излишними» [4, с. 21].

По данным статистики и фактической информации Управления дознания МВД России, в 2016 г. число дел, по которым дознание проводилось в сокращенной форме, составило 90 103 (9 % от количества зарегистрированных преступлений, предварительное следствие по которым необязательно), в 2017 г. – 105 886 (11,1 %), в 2018 г. – 100 805 (12,2 %), в 2019 г. – 82 532 (10 %), в 2020 г. – 65 237 (8,8 %) [7]. При этом качество дознания в сокращенной форме имеет достаточно высокие показатели. Однако не столь решительная практика применения гл. 32.1 УПК РФ в последние годы говорит об имеющихся определенных законодательных недоработках. При этом отметим, что доля ускоренных производств от общего числа уголовных дел, направленных дознавателями полиции в суд, достигла 28 % и только за последний год выросла на 2 %.

Следует подчеркнуть, что если в начальный период введения в УПК РФ новеллы о дознании в со-

кращенной форме правоприменители отмечали отсутствие единой политики поддержки ускоренных производств, то в настоящее время на уровне федеральных структур прокуратуры и органов внутренних дел выработана общая стратегия, направленная на расширение практики ускоренного дознания. Практикуются совместные комплексные выезды представителей МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации в территориальные органы, имеющие низкие показатели такой работы. В результате в УМВД России по Пензенской области за 11 месяцев 2020 г. количество дел в ускоренной форме увеличилось в 3,6 раза (с 7,4 до 26,7 %), а за тот же период в МВД России по Республике Марий Эл – в 2,7 раза (с 11,8 до 32,1 %). И тем не менее практику активного применения ускоренных производств устоявшейся назвать нельзя. Так, при среднероссийском показателе в 28 % к примеру, в МВД России по Республике Крым доля производств дознания в сокращенной форме составила 66,3 %, Республике Адыгея – 59,2 %, УМВД России по Тверской области – 57 %, а в УМВД России по Курской области – 8,7 %, УМВД России по Орловской области – 13,8 %.

В результате можно сделать вывод, что правовая регламентация дознания в сокращенной форме в целом адекватна задачам, стоящим перед этим институтом, и отражает международные стандарты таких производств. Правоприменители, основными из которых являются дознаватели органов внутренних дел (полиции), принимают организационные меры для того, чтобы распространить практику дознания в сокращенной форме на всей территории Российской Федерации, одновременно расширив масштабы таких досудебных производств. Однако следует отметить и отсутствие системных и четко сформулированных криминалистических алгоритмов ускоренного досудебного производства, что способствует формализации порядка производства, ориентации на признание вины обвиняемым и отсутствие полноценного судебного разбирательства по делу. Формирование криминалистической концепции, по мнению Ю. П. Гармаева, А. А. Прокопова, Е. И. Поповой, будет способствовать поддержанию баланса между публичными интересами применения упрощенных процедур [3] и в целом обеспечением назначения уголовного судопроизводства.

Выводы

Таким образом, в качестве ответа на заявленный в теме исследования проблемный вопрос о том, что же происходит с унифицированным дознанием и регламентирующей его уголовно-процессуальной формой – эволюция или деградация, заметим, что в сравнении с протокольной формой досудебной подготовки материалов о преступлениях определенной категории процедура дознания в сокращенной форме:

1) стала важным инновационным решением, вошедшим в себя многие критические замечания, прозвучавшие от ученых и практиков;

2) во многом приведена в соответствие с большинством международных стандартов, отечественных практик, лежащих в основе процедур полицейского дознания.

Статистические исследования показали, что закрепленная в УПК РФ унифицированная процедура неидеальна и нуждается в дальнейшей доработке до состояния адекватного тем общественным отношениям и вызовам, которые будут формироваться в России в перспективе.

Историко-правовой анализ дифференциации процессуальной формы дознания в России и за рубежом свидетельствует о том, что многочисленные дискуссии, ведущиеся учеными, не мешают поиску эффективных, упрощенных и ускоренных форм досудебного производства в различных странах. Выявленные организационные недостатки и проблемы практики дознания в сокращенной форме способствуют оптимизации и повышению эффективности модели ускоренного досудебного производства в отечественном уголовном процессе.

Определение перспектив развития ускоренной формы дознания позволило сделать предложения: 1) о важности полноценного судебного рассмотрения как обязательного условия применения ускоренных досудебных производств; 2) формировании на основе ускоренного досудебного расследования и производства с заключенным соглашением одного общего производства с обязательным доказыванием вины вне зависимости от ее признания обвиняемым; 3) от-

казе от мнения потерпевшего как одного из условий применения данной процессуальной формы, а равно и исключении возможности последующего отказа подозреваемого от данной сокращенной процедуры расследования. Анализ возможности по внедрению цифровых информационных технологий поддержки ускоренного дознания позволил подчеркнуть важность цифрового взаимодействия правоохранительных органов и населения. Создание единых и защищенных цифровых ресурсов будет способствовать как реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, так и минимизации процента возможных ошибок и в целом пресечению криминализации информационно-коммуникационной сферы.

Подобные исследования способствуют развитию междисциплинарной теории компромиссов, а также обогащению уголовно-процессуальной и криминалистической науки и практики. В этой связи представляется актуальной научная разработка таких направлений, как цифровая криминология организации расследования, эффективные формы взаимодействия участников уголовного процесса, криминалистические версии, криминалистическая профилактика, синхронизированных с ускоренной формой дознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин, А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием / А. Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 4. – С. 16–25.
2. Вилкова, Т. Ю. Организация досудебного производства по уголовным делам в России и за рубежом как фактор обеспечения доступа к правосудию / Т. Ю. Вилкова // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10. – С. 167–179.
3. Гармаев, Ю. П. Концепция криминалистического обеспечения реализации упрощенных форм уголовного судопроизводства: постановка проблемы / Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 10–16.
4. Герасенков, В. М. Критерии дифференциации ускоренного досудебного производства как основа формирования его эффективной модели / В. М. Герасенков // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 21–25.
5. Гирько, С. И. Стандарты ускоренного досудебного производства в полицейской практике за рубежом и возможности их имплементации в Российской Федерации / С. И. Гирько // Colloquium-journal. – 2019. – № 18 (42). – С. 29–40.
6. Гирько, С. И. Ускоренное дознание – куда и почему привела эволюция процессуальной формы / С. И. Гирько // Colloquium-journal. – 2020. – № 5 (57). – С. 133–136.
7. Горбань, А. С. Об использовании криминалистического учения об алгоритмизации при расследовании краж в порядке сокращенного дознания / А. С. Горбань // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 8 (61). – С. 111–114.
8. Джюра, В. В. Международные стандарты осуществления правосудия в рамках гармонизации отечественного процессуального права / В. В. Джюра // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 1 (60). – С. 10–21.
9. Ляхов, Ю. А. Гуманизация уголовного процесса – генеральная задача российского уголовного судопроизводства / Ю. А. Ляхов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1 (17). – С. 194–197.
10. Манилкин, Н. В. Английская форма уголовного судопроизводства как одна из основных исторических форм уголовного процесса / Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий : сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием. – Москва : Конверт, 2021. – 184 с. – С. 138–140. – ISBN 978-5-6047622-0-2.
11. Прокопова, А. А. Сравнительный анализ ускоренных досудебных производств в уголовном процессе Республики Казахстан / А. А. Прокопова // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 122–128.
12. Сумин, А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса / А. А. Сумин // Адвокат. – 2013. – № 10. – С. 5–88.
13. Al-Asaad, F. «Except by accident»: the Christchurch investigation / Faisal Al-Asaad // Arena. – 2021. – No. 5. – Pp. 13–17.
14. Bazarova, D. B. Procedural safeguards in investigating and adjudicating criminal cases by summary procedure / D. B. Bazarova // ISJ Theoretical & Applied Science. – 2016. – No. 12 (44). – Pp. 34–37.
15. Chen, W. Reform and Development of Powers and Functions of China's Criminal Proceedings / Weidong Chen. – Singapore : Springer Nature, 2021. – 551 p. – ISBN 9789811584336.
16. Convention on Cybercrime (ETS No.185) // European Parliament : website. – URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_7_conv_budapest_en.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

17. Coscas-Williams, B. A Patchwork of Doors: Accelerated Proceedings in Continental Criminal Justice systems / Beatrice Coscas-Williams, Michal Alberstein // *New Criminal Law Review*. – 2019. – Volume 22, issue 4. – Pp. 585–617.
18. Egbert, S. Criminal futures. Predictive Policing and Everyday Police Work / Simon Egbert, Matthias Leese. – London ; New York : Routledge, 2021. – 242 p. – ISBN 978-0-429-32873-2.
19. Fayziev, Sh. F. Saving the State Budget by Improving the Criminal Procedure Activities of Bodies of Inquiry / Fayziev Shokhrud Farmonovich // *Religacion*. – 2019. – Volume 4, no. 5. – Pp. 70–73. – URL: <http://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/276> (дата обращения: 05.05.2021).
20. Johnson, D. The Limits of Lay Participation Reform in Japanese Criminal / David T. Johnson, Dimitri Vanoverbeke // *Hastings Journal of Crime and Punishment*. – 2019. – Volume 1, no. 3. – Pp. 439–485. – URL: https://repository.uchastings.edu/hastings_journal_crime_punishment/vol1/iss3/8 (дата обращения: 05.05.2021).
21. Recommendation No. R (87) 18 of the committee of ministers to member states concerning the simplification of criminal justice¹ (Adopted by the Committee of Ministers on 17 September 1987 at the 410th meeting of the Ministers' Deputies) // Council of Europe : website. – URL: <http://rm.coe.int/16804e19f8> (дата обращения: 05.05.2021).
22. Sorabji, J. «This Is Not A Rule»: COVID-19 in England & Wales and Criminal Justice Governance via Guidance / J. Sorabji, S. Vaughan // *European Journal of Risk Regulation*. – 2021. – No. 9. – Pp. 143–158.
23. Soubise, L. Book Review: The Metamorphosis of Criminal Justice – A Comparative Account / Laurene Soubise // *Social & Legal Studies*. – 2021. – Volume 30, no. 5. – Pp. 813–818.
24. Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders «Crime and Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century». Vienna, Austria, 10–17 April 2000 // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: <https://www.unodc.org/congress/en/previous/previous-10.html> (дата обращения: 05.05.2021).
25. Vaško, A. Intelligence information within criminal proceedings / Adrián Vaško // *DUNAI: Law, Economics, and Social Issues Review*. – 2020. – Volume 10, no. 3. – Pp. 267–283.
26. Yaşar, E. Türk ceza muhakemesi hukukunda seri muhakeme usulü = Accelerated Proceedings in Turkish Criminal / Ercan Yaşar // *Adalet Dergisi*. – 2020. – No. 65. – Pp. 255–299. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1467957> (дата обращения: 05.05.2021).

REFERENCES

1. Belkin A.R. Inquiry in simplified form: doubtful scheme with truncated evidence. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding*, 2016, no. 4, pp. 16–25. (In Russ.).
2. Vilkova T.Yu. Organization of pre-trial proceedings in criminal cases in Russia and abroad as a factor in ensuring access to justice. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)=Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 10, pp. 167–179. (In Russ.).
3. Garmaev Yu.P., Popova E.I. Differentiated approach of the legislator to defining the subject of proof in criminal cases with respect to minors. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2021, no. 1, pp. 10–16. (In Russ.).
4. Gerasenkov V.M. Criteria for differentiation of accelerated pre-trial proceedings as a basis for the establishment of its efficient model. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator*, 2019, no. 6, pp. 21–25. (In Russ.).
5. Gir'ko S.I. Standards for accelerated pre-trial proceedings in police practice abroad and possibilities of their implementation in the Russian Federation. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 18 (42), pp. 29–40. (In Russ.).
6. Gir'ko S.I. Accelerated inquiry – where and why the evolution of the procedural form led. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 5 (57), pp. 133–136. (In Russ.).
7. Gorban' A.S. Forensic doctrine of algorithm development applied to theft investigations in the form of abbreviated inquiry. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo=Society: Politics, Economics, Law*, 2018, no. 8 (61), pp. 111–114. (In Russ.).
8. Dzhura V.V. International standards of implementation of justice in the framework of the harmonization of domestic procedural law. *Sibirskii yuridicheskii vestnik=Siberian Law Bulletin*, 2016, no. 1 (60), pp. 10–21. (In Russ.).
9. Lyakhov Yu.A. The humanization of the criminal process is the general task of the Russian criminal justice. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra=Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2021, no. 1 (17), pp. 194–197. (In Russ.).
10. Manilkin N.V., Bykadorova E.V., Boldyrev N.V. Angliiskaya forma ugolovnogo sudoproizvodstva, kak odna iz osnovnykh istoricheskikh form ugolovnogo protsesssa. In: *Mir v epokhu globalizatsii ekonomiki i pravovoi sfery: rol' biotekhnologii i tsifrovyykh tekhnologii sbornik nauchnykh stateipo itogam raboty kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem* [World in the era of globalization of the economy and the legal sphere: the role of biotechnologies and digital technologies: collection of scientific articles on the results of the round table with international participation]. Moscow: Konvert, 2021. 184 p. Pp. 138–140. (In Russ.).
11. Prokopova A.A. Comparative analysis of accelerated pre-trial proceedings in the criminal process of the Republic of Kazakhstan. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 122–128. (In Russ.).
12. Sumin A.A. Abbreviated inquiry: a stillborn child of the criminal process reformers. *Advokat=Advocate*, 2013, no. 10, pp. 5–88. (In Russ.).
13. Al-Asaad F. “Except by accident”: the Christchurch investigation. *Arena*, 2021, no. 5, pp. 13–17.
14. Bazarova D.B. Procedural safeguards in investigating and adjudicating criminal cases by summary procedure. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 2016, no. 12 (44), pp. 34–37.
15. Chen W. *Reform and development of powers and functions of china's criminal proceedings*. Singapore: Springer Nature, 2021. 551 p. ISBN 9789811584336.
16. Convention on Cybercrime (ETS No.185). *European Parliament: website*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf (accessed May 5, 2021).

17. Coscas-Williams B., Alberstein M. A patchwork of doors: accelerated proceedings in continental criminal justice systems. *New Criminal Law Review*, 2019, vol. 22, no. 4, pp. 585–617.
18. Egbert S., Leese M. *Criminal futures. Predictive policing and everyday police work*. London; New York: Routledge, 2021. 242 p. ISBN 978-0-429-32873-2.
19. Fayziev Sh. F. Saving the state budget by improving the criminal procedure activities of bodies of inquiry. *Religacion*, 2019, vol. 4, no. 5, pp. 70–73. Available at: <http://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/276> (accessed May 5, 2021).
20. Johnson D., Vanoverbeke D. The limits of lay participation reform in Japanese criminal. *Hastings Journal Crime Punishment*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 439–485. Available at: https://repository.uchastings.edu/hastings_journal_crime_punishment/vol1/iss3/8 (accessed May 5, 2021).
21. Recommendation No. R (87) 18 of the Committee of Ministers to member states concerning the simplification of criminal justice¹ (Adopted by the Committee of Ministers on 17 September 1987 at the 410th meeting of the Ministers' Deputies). *Council of Europe: website*. Available at: <http://rm.coe.int/16804e19f8> (accessed May 5, 2021).
22. Sorabji J., Vaughan S. "This Is Not A Rule": COVID-19 in England & Wales and criminal justice governance via guidance. *European Journal of Risk Regulation*, 2021, no. 9, pp. 143–158.
23. Soubise L. Book review: the metamorphosis of criminal justice – a comparative account. *Social & Legal Studies*, 2021, vol. 30, no. 5, pp. 813–818.
24. Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders "Crime and Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century". Vienna, Austria 10–17 April 2000. The United Nations: website. Available at: <https://www.unodc.org/congress/en/previous/previous-10.html> (accessed May 5, 2021).
25. Vaško A. Intelligence information within criminal proceedings. *DUNAL: Law, Economics, and Social Issues Review*. 2020, vol. 10, no. 3, pp. 267–283.
26. Yaşar E. Accelerated proceedings in Turkish Criminal. *Adalet Dergisi*, 2020, no. 65, pp. 255–299. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1467957> (accessed May 5, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, svorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРЧЕНКО – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, dsb111@yandex.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОЛГОПОЛОВ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, Aadolgoplov1@mail.ru

АЛТЫНБЕК МАНАПБАЕВИЧ КАМБАРОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, Kambarov75@mail.ru

SERGEI I. GIR'KO – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, svori-na959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

SERGEI V. KHARCHENKO – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, dsb111@yandex.ru

ALEKSANDR A. DOLGOPOLOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, Aadol-goplov1@mail.ru

ALTYNBEK M. KAMBAROV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Financial Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, Kambarov75@mail.ru

Статья поступила 27.06.2022